

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

ВАХТА ПАМЯТИ

...Он мог стать большим художником. Когда Сурену было только пять лет, его рисунки опубликовал солидный журнал. За год до войны он окончил Ереванский художественный техникум.

Он не стал большим художником, потому что началась война, а художник — профессия мирная. Он мог бы любить и быть любимым, иметь семью, детей. Но шла война народная. Надев солдатскую шинель и пообещав матери непременно вернуться, он ушел на фронт.

Мужа и двух сыновей проводила Соня Смбаевна Авакян на войну. Младший, Альберт, кадровый летчик, громил врага в небе, старший, Сурен, — на земле. Закончив по ускоренной программе артиллерийское училище в Грузии, он командовал батареей. Последнее письмо от Сурена пришло из Нальчика, больше вестей не было.

...Нелегкой была сумка почтальона военных лет. Тяжелым грузом лежали в ней листочки «похоронок». Настолько тяжелым, что не было сил донести их до адресата. Не смог тогда, в сорок третьем, почтальон отдать «похоронку» матери Сурена. Соседям передал. А те, взяв на себя ношу чужого горя, так и не сказали матери правду. И затерялась та «похоронка». Стерлось в памяти название местности, в земле которой остался навеки лежать парень из Еревана.

Окончилась война, встретила Соня Смбаевна мужа и младшего сына. И продолжала ждать первенца. А брат искал могилу Сурена. Всю страну, многие государства мира объездил он. И всюду ходил на братские могилы, вчитывался

в имена на мемориальных плитах. И нигде не видел имени брата. Ему, до дна испившему горькую чашу войны, стало казаться, что брат похоронен где-нибудь на поле боя: ведь столько безымянных холмиков разбросано по земле русской.

Но мать требовала, чтобы он нашел могилу брата. Ей нужна была всего лишь горстка земли с дорогой могилы. Чтобы сердце успокоилось. Из архивов военкоматов, куда слал запросы Авакян, ответы приходили неутешительные: «Не значится», «Сведениями не располагаем»...

Сорок весен, из них тридцать семь мирных, отшумели над братской могилой, в которой был похоронен Сурен.

Сорок апрелей распечатывали тугие почки склоненных над могилой деревьев и вырывались из них наружу зеленые лепестки вечного пламени весны. Сорок октябрей роняли на могилу багряные листья, как букеты. Сорок январей укрывали последнее пристанище воинов, павших смертью храбрых в Черкесске, девственно чистыми, светлыми, как души тех, кто покоится в могиле, снежными саванами. Из года в год приходили к братской могиле матери оплакивать своих и чужих сыновей. Каждый прожитый год добавлял морщины на их лицах и седины в волосах. Они старели, а сыновья оставались юными. Неслышно, одна за другой, они уходили из жизни. Но приходили солдатские дети, потом солдатские внуки. Стояли на посту у Вечного огня мальчишки восьмидесятых.

В августе восемьдесят первого года в семью Авакянов пришла «похоронка» из военного сорок третьего. В изве-

щении, присланном Орджоникидзевским районным военкоматом города Еревана, говорилось, что лейтенант Сурен Гегамович Авакян, проявив героизм, был ранен в бою и умер от ран 21 января 1943 года. Похоронен в городе Черкесске Карачаево-Черкесской автономной области.

Девятого мая 1982 года на улицах Черкесска, праздновавшего тридцать седьмой День Победы, можно было встретить высокого стройного мужчину с проблеском седины на висках, а с ним черноволосого молодого человека. Они искали братскую могилу. У огня Вечной славы в цветах и венках скрылись мемориальные плиты. Двух приезжих, вчитывавшихся в надписи на венках, заметили юные часовые и проводили к начальнику штаба пионерско-комсомольского поста №1 у огня Вечной славы Ивану Лысенко. Тот дал команду разобрать венки, чтобы обнажились плиты. А сам, так же, как и его нежданные гости, волновался: а вдруг не будет на плитах фамилии «Авакян».

Долго ждать не пришлось. На первой же плите первым по списку стояло имя: Авакян С. Г.

Драгоценную горсть земли с могилы брата повез тогда домой, в Ереван, Альберт Гегамович. Но матери этого было мало. И задумала она поездку в далекий Черкесск, чтобы своими глазами увидеть могилу сына.

От Еревана до Черкесска 800 километров, 60 часов пути в машине, но 83-летняя женщина перенесла его без единой жалобы.

Как обычно по понедельникам, у Вечного огня в Черкес-

ске проходил мемориальный час. Юные часовые одной школы передавали вахту памяти отряду другой школы. Как всегда, этот час начинали с героической поправки. Как обычно, первым было названо имя лейтенанта Сурена Авакяна. Необычным было только присутствие на поверке пожилой женщины, сгорбившейся под грузом лет и пережитого, женщины с глазами скорбящей матери, отражающими пламя Вечного огня.

...В Армении он родился и прожил всего двадцать лет. В Черкесске он остался навеки... Сорок весен уже отшумели над братской могилой, сотни, тысячи еще отшумят. Но сколько бы их ни прошло, даже когда забудет земля слово «война», будут всегда приходиться к могиле люди и, вчитываясь в имена на плитах, скорбят о тех, кто спит здесь вечным сном, и добром поминать всех солдатских матерей, а, значит, и ее, сорок лет ждавшую этой встречи.

Перед тем, как вернуться в Ереван, мать лейтенанта Сурена Авакяна протянула младшему сыну сверток. Это было самое дорогое, что осталось у нее от своего первенца — его фронтовые письма. Тихо сказала: «Передай ребятам». Письма, портрет, метрика и подарок, который друзья преподнесли Сурену в день его 20-летия, хранятся теперь в музее пионерско-комсомольского поста №1 города Черкесска. В штабе поста, всего в нескольких шагах от братской могилы. Стоят на вахте памяти мальчишки 80-х.

С. ЗАЙЦЕВА,
корреспондент Карачаево-Черкесской областной газеты «Ленинское знамя».